

18+

ВЛАДИМИР КУЗЬМИН

Лихославль — это город такой...

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ ЖИЗНИ

Владимир Кузьмин

Лихославль – это город такой...
Очерки и картины жизни

«Издательские решения»

Кузьмин В.

Лихославль – это город такой... Очерки и картины жизни /
В. Кузьмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742159-5

В книге собраны очерки, посвященные истории Лихославля, небольшого города в Тверской области — от возникновения его «звнящего», по словам поэта, имени до судьбы литературной семьи Козырев-Соколовых. Завершает сборник публикация «Опыта словаря тверской периодики».

ISBN 978-5-44-742159-5

© Кузьмин В.
© Издательские решения

Содержание

«Я люблю эту землю свою...»	6
Из истории названия города Лихославль	6
Играла гармонь	9
Начало века. Вы выходите из вагона поезда...	11
Земская школа в Лихославле	13
Годы перед бурей. Лихославль в 1912 году	14
Как Матренина семья «колхозу вредила». Из колхозной жизни начала 1930-х годов	17
Первый советский базар в Лихославле	18
Пели в наших селах	19
«Вся жизнь оставшаяся... в Вас», или Немного о чувствах	21
Из Истории Вырецкого прихода	22
Жил-был француз	24
Предводитель дворянства – Константин Мошнин	25
Из истории Осташковской Успения божией Матери церкви	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лихославль – это город такой...

Очерки и картины жизни

Владимир Кузьмин

Фотограф И. К. Гофферт

© Владимир Кузьмин, 2023

© И. К. Гофферт, фотографии, 2023

ISBN 978-5-4474-2159-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я люблю эту землю свою...»

Из истории названия города Лихославль

I

В кратком топонимическом словаре Центральной России, который публикуется журналом «Русская речь», вновь мы встретили старое толкование происхождения топонима Лихославль, известное еще из словаря профессора В. Никонова 1966 года: «Лихославль... – можно предположить личное имя Лихослав. Как и другие названия на „славль“, возникло в период феодализма (большинство их – XII век) по имени князя, основавшего город...»

Однако данные, которые есть сегодня в руках исследователей, не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о происхождении топонима Лихославль.

Обратимся к истории.

Согласно «Докладной записки о возрасте городов и районов центров Тверской области», подготовленной в конце 1980-х годов архивным отделом областной администрации, точкой отсчета существования города Лихославль назван 1624 год. Но сам топоним впервые встречается в исторических источниках гораздо позднее, впервые лишь в ревизских сказках за 1816 год. Тогда местечко Лихославль принадлежало участнику Отечественной войны 1812 года капитану Сулину, во владении которого находилась 41 душа крепостных – крестьян и дворовых. Позднее, в конце XIX века, имение приобрел дворянин К. В. Мошнин, неоднократно избиравшийся предводителем Новоторжского уездного дворянства.

После начала строительства Николаевской железной дороги недалеко от имения Лихославль появляется железнодорожная станция, известная под двумя названиями – Осташково и Осташковская. К началу XX века границы станции Осташковская, деревни Осташково и сельца Лихославль слились, что было отмечено в указе тверского губернатора, повелевшего переименовать единое образование в Лихославль. Но только уже в советскую эпоху оно получило статус города в 1925 году).

Название Лихославль окружено в сознании местных жителей многочисленными легендами. В народной этимологии оно порой расшифровывается и как место «плохой», «дурной» славы, и как город «сильных, храбрых, упрямых карел».

Наиболее распространены две легенды. Одна из них, героем которой в разных вариантах является то русский царь Петр I, то императрица Екатерина Великая, повествует об ограблении царского обоза на Бежецком тракте в лихославльском яму¹. Другая рассказывает об убийстве некоего помещика и его жены, случившемся на постоялом дворе.

Под гладью существующего вот уже почти целый век искусственного Лихославльского озера скрыто русло речки Лихославки, протекавшей у подножия горы с именем Лихославль. Неоднократно археологи высказывали предположение о возможности существования здесь древнего городища, одного из многих на пограничье Новгородского княжества. Но, к сожалению, из-за сильного техногенного воздействия – в 1920-е годы на этой территории был построен первый в России завод с химической обработкой льна – успешные раскопки здесь маловероятны. И до сих пор они не предпринимались.

То есть из-за отсутствия объективной исторической информации подойти вплотную к истокам возникновения топонима Лихославль не получается. Но об одном можно сказать

¹ Ям – почтовая станция в России XIII – XVIII веков, где содержали разгонных ямских лошадей, с местом отдыха ямщиков.

уверенно: имя это, безусловно, древнее, о чем свидетельствует и его обширная мифологическая аура, и множество поздних производных от него – Лиховидово, Лихоград и т. д.

Жителям Лихославля, да и всем тверитянам, можно похвастаться этой не последней драгоценностью в ризнице имен славных тверских городов. Что однажды сделал, кстати, в одном из своих стихотворений поэт Владимир Соколов (1928—1997)...

...Лихославль – это город такой,
Не забывший о славе лихой,
Но живущий средь тысячи слав
Лихославль, Лихославль, Лихослав...²

II

Вопрос о происхождении топонима Лихославль окончательно не решен и остается открытым. В «Кратком топонимическом словаре» В. Никонова (М., 1966) читаем: «Лихославль – город. в Калининской области. Можно предположить личное имя Лихослав. Как и другие названия на „славль“, возникло в период феодализма (большинство их – XII век) по имени князя, основавшего город и владевшего им...» Название Лихославль связывается с гидронимом Лихославка.

У знающего историю Лихославля возникает здесь, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, упоминание «сельца Лихославль» относится к ревизским сказкам 1816 года, т. е. даже в начале XIX века Лихославль не был городом, это было всего лишь имение помещика капитана Сулина. В нем, повторимся, проживали 18 крестьян и 23 дворовых человека. Во-вторых, никакого письменного упоминания или предания о князе Лихославе не существует.

Лихославль как город формируется очень поздно, в начале XX века, после того как узловая железнодорожная станция Осташково, деревня Осташково (1624 г.) и бывшее имение Лихославль объединились. В 1907 году указом губернских властей ст. Осташково переименовывается в ст. Лихославль. И только в 1925 году указом ВЦИК за ст. Лихославль официально закрепляется имя город Лихославль.

С точки зрения языка Лихославль – это форма древнего притяжательного прилагательного на «ь» (ерь), то есть сверхкраткий гласный звук в конце слова (редуцированный). В таком случае Лихославль – это Лихославий город, точно так, как Ярославль, например, Ярославий город. Но такое прилагательное («лихославль») могло возникнуть только в древнерусский период развития русского языка – с X по XIII века, максимум по XIV век, а первое упоминание о Лихославе относится к началу XIX века.

Однако Лихославль может и не быть древним прилагательным. Об этом, на мой взгляд, свидетельствует большая спаянность «ль» с древней основой Лихослав, чем, например, «ль» с основой Ярослав. В современном языке как норма существует прилагательной «ярославский», но нет прилагательного «лихославский». Его место занимает – «лихославльский».

Возможно, что в прилагательном «ярославский» реализовался закон сокращения группы согласных. Тогда почему он не реализуется в слове «лихославльский»?

Причина может быть одна: внеязыковая, несомненно, настаивающая на самостоятельности частей «лихо» и «славль».

Об их самостоятельности свидетельствует и топоним Лиховидово, деревня недалеко от г. Лихославля, эмоционально окрашенное словообразование Лихоград, распространенное среди жителей города, и, самое главное – предание о «лихости» местных жителей, лихом месте.

Итак, Лихославль – это или первообразное слово, или, по крайней, мере образованное в результате переосмысления русского имени *Лихослав*.

² Тверская Жизнь, 30 января 1997 года

Лихославль – это место с лихой славой. «Лихо» имеет два основных значения в современном русском языке, не связанных друг с другом: первое – «бравый», «храбрый», «сильный», второе – «плохой», «дурной», «злой», пересекающиеся со значением слов «зависть», «чертовщина» и прочее. Оба значения находят объяснение в истории и современности города...³

³ Тверская Жизнь, 20 ноября 1991 года

Играла гармонь О гармонной мастерской в Лихославле

Во времена СССР задорные или печальные мелодии старинных и современных песен в исполнении гармониста можно было услышать на свадьбах, юбилеях, в майские и октябрьские праздники.

В иные времена гармонь являлась неотъемлемой частью быта русского человека на селе и в таких небольших городках, каким был до октябрьского переворота Лихославль.

Заниматься изготовлением, ремонтом и продажей музыкальных инструментов было привычно, потому и появилась в Лихославле музыкальная мастерская. Где-то в середине XIX века местный житель Николай Иванович Козлов впервые занялся ремонтом и производством сначала только гармоней.

Дело продолжил его сын Василий Иванович, родившийся в селе Осташкове в 1888 году. Он поставил производство инструментов почти на производственную основу, взаимодействуя с фирмой Юлия Циммерманна, известного петербургского коммерсанта, немца по происхождению, владельца крупных мастерских в С-Петербурге, Риге, Москве. Из Петербурга поступали некоторые готовые инструменты, каталоги фирм, детали к гармониям, которые собирались Василием Ивановичем в лихославльской мастерской на любой вкус.

Сотрудничал Василий Иванович и с известными вышневолоцкими мастерами по производству гармоней.

Искусство создания гармоней – дело не простое. Одних только разновидностей их десятки – рояльные итальянки, азиатские, полувенки, саратовские, русские елецкие, невские черепашки и многие другие.

Во всем многообразии их устройства необходимо было разобраться, ведь ремонтировать приходилось всякие инструменты.

Во время нэпа Василий Иванович получил патент и открыл мастерскую в своем доме (современная улица Лихославльская, д. 54) К этому времени были напечатаны рекламные проспекты, сообщавшие, что *«вновь открыта при ст. Лихославль Н. ж. д. Тверской губ. Новоторжского Уезда музыкально-гармонная мастерская специалиста Василия Ивановича Козлова»*.

Мастерская продавала инструменты, принимала заказы на гармони, брала их в починку. Кроме гармоней, чинились *«граммофоны, гитары, балалайки, мандолины, скрипки, домры и все музыкальные инструменты»*. Те, кто не умел играть на инструменте, могли посетить несколько уроков. Уже с конца XIX века мастерская Козлова стала своеобразной «музыкальной школой» для лихославльцев и осташковцев.

С середины 1930-х годов Василий Иванович продолжает работу в «Музыкальной мастерской райпромкомбината» в качестве бригадира. Услугами мастерской пользовались жители других близлежащих районов. Об этом свидетельствуют расписки 1946—49 годов, переданные недавно в лихославльский филиал Тверского государственного объединенного музея вместе с другими документа сыном Василия Ивановича, Александром Васильевичем Козловым. В одной из расписок, например, житель Спировского района И. И. Григорьев собственной подписью подтверждает, что *«...на время до ремонта своей гармони взята гармонь от Козлова В. И.»*. Или житель д. Березовка Березовского сельсовета Петров В. М. расписался в получении *«...гармони с починки, поставлена грива на сумму 150 рублей»*.

Любимым делом Василий Иванович занимался до 1952 года, работая уже в кооперативе «Вышневолоцкая музыкальная мастерская». К тому времени его сын, Александр Васильевич, стал баянистом и работал в лихославльском Городском саду с 1947 по 1962 год.

В фонды музея поступили детали от гармоней, различные заготовки для их отделки, документы, старинные фотографии. И три особо ценных экспоната.

Это старинная «трехрядка Бологовка». Лишь стоит залатать ее отчасти прохудившиеся меха, и она зазвучит серебристым голосом, который слышали в начале века жители Лихославля.

Интерес представляют также миниатюрная гармонь, размером 15×15 см, «пикулька» и картина, изображающая зимний пейзаж, появившаяся в доме Козловых в годы Великой Отечественной войны 1941—45 годов.

Благодаря Александру Васильевичу, появилась возможность воспроизвести в музее уголок музыкальной мастерской, открылась почти всеми нами забытая страница истории Лихославля. Остается пожалеть, что не только существование музыкальной мастерской в нашем городе стало историей, но и русские двухрядки и трехрядки. Гармонь свое отыграла?...⁴

⁴ Наша жизнь, 20 августа 1991 года

Начало века. Вы выходите из вагона поезда...

Каким бы незначительным городком не казался людям конца XX века дооктябрьский Лихославль, однажды открыв старинные документы, все больше убеждаешься, что жизнь станции никогда не была «темным царством»...

После частых разговоров с теми, кто еще помнит былой Лихославль, я невольно представлял себе его улицы. И мне захотелось, чтобы любой смог совершить вместе со мной своеобразную прогулку по старому Лихославлю.

Итак, начало века...

Вы выходите из вагона поезда, отправляющегося дальше, может быть, в Торжок. Простенькие вокзальные постройки соседствуют с громадой водонапорной башни, строящейся под руководством Григория Кондратьева. Перед вами – стройный ряд краснокаменных домов (оштукатурены они были позже) на чугуне балконов некоторых видны вывески. Все купечество расположило свои лавки на молодой улице. Редкие деревья в садах и огородах выделяются среди капустных плантаций, раскинувшихся, как вспоминают старожилы, сразу же за домами.

Огромные кочаны часто привлекали ребятню. На них интересно покататься, хотя рискуешь попасться в руки старику-сторожу, вспоминает столетняя жительница.

Многочисленные лавки предлагают всяческие товары. Нужен хлеб к обеду? Рядом пекарня и склады Шалыгина (ныне здание музея и хлебокомбинат). Хлеб горячий всех видов, калачи можно купить днем и ночью. А через дорогу (на месте рынка) купец Бардин торгует с маком и без баранками бараночника Петра Громова. *«Бывало, идешь мимо озера, а аромат баранок да колбас уже чувствуешь»*, – вспоминают старики. Да, была на Тверской и колбасная купца Мухина (современная улица Гагарина). Свежие колбасы, окороки, другие копчености – прямо со двора. А пока идешь на Тверскую, прихватив горячих баранок да булочек, можно зайти к Бакину (территория за магазином «Детский мир»), выпить ледяного кваску.

Для его изготовления артезианский колодец был оборудован прямо в лавке.

Если в семье кто-то заболел, поспеши в аптеку (бывшее, здание сберкассы, сейчас оно принадлежит кооперативу «Дизайн»). Ее двери были открыты всегда. Лишь звонок-колокольчик известит хозяев о посетителе, сверху (со второго этажа) спустится или хозяин аптеки, или его супруга. Не оказалось под рукой нужного лекарства – не беда, через странную трубочку на поручне лестницы (оказывается – переговорное устройство) прозвучит просьба принести его.

А дальше, на взгорке – «Праздники. Радости. Скорби»: церковь Успения Божьей Матери, построенная в 1887 году.

В праздники благовест слышен с высокой колокольни далеко в округе. Его дополнял перезвон Кавской церкви. Дети многих жителей пели в церковном хоре. О целой певческой династии Лужковых упоминает в своих записках «Жизнь учителя» бывший регент церковного хора, учитель земской школы В. Онуфриев.

Некоторые старожилы еще помнят Дусю Кондратьеву. Она обладала прекрасным голосом и вместе со своей подругой Катей Мухиной пела в хоре.

Вечерами же молодежь часто собиралась вместе, и тогда были слышны звуки гитары и звонкие молодые голоса.

«О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный...» – эти строки из песенников Евдокии Кондратьевой, переданных в музей. Она, кстати, была «страстной театралкой». Накопят денег (а она хорошо шила и потому потом работала портнихой) – и в Москву, в Тверь, в театр.

Станция удивительно быстро застраивалась. Почти двадцать краснокирпичных домов за каких-то тридцать лет после открытия Николаевки. Третий из них была уничтожена во время фашистских бомбардировок. Это дом купца Семенова (был на месте нынешнего сквера перед

зданием бывшего кинотеатра «Октябрь», под который переделаны конюшни Семенова), ресторан Шалыгина, трактир Филиппова.

Многое погубили и сами. О зимнем саде, парковом ансамбле имения Мошнина напоминают несколько чахлых яблонь. Само имение изуродовано до неузнаваемости. Экзотично выглядят некоторые предметы мебелировки дома Мошнина в административных помещениях Лихославльского льнозавода. Недавно был уничтожен балкон на фасаде средней школы №7, на его месте теперь «красуется» типовая оконная рама⁵.

⁵ За коммунизм, 29 ноября 1990 года

Земская школа в Лихославле

В 1875 году в Осташкове (Лихославль) открылась земская школа, преобразованная вскоре в двухклассное училище. Оно и стало в будущем основой для семилетней, восьмилетней, а затем и для средней общеобразовательной школы №2.

Вначале школа располагалась в частном доме купца Бушмарина (современная улица Гагарина, дом 32). Затем она находилась на улице Аптекарской.

В первые годы своего существования школа содержалась за счет уездного ведомства. Позднее попечителем школы становится предводитель уездного дворянства, владелец имения Лихославль Константин Владимирович Мошнин, а в 1912 году – его супруга Софья Николаевна. К этому времени школа преобразована в двухклассное училище, в ней открыт пятый класс.

В школе обучались в основном дети состоятельных родителей, однако могли ее посещать и дети крестьян, так как плата была невысокой. 31 ученик проживал в общежитии, те, кто вообще не имел средств, часто получали пособия.

Эти и другие факты, приводимые здесь, относятся к 1912 году и взяты из отчетов 48-й и 49-й внеочередной сессий уездного земского собрания. Вот еще некоторые подробности того далекого учебного года.

Осень – пора полевых работ, потому начало учебного года часто задерживалось. В 1912 году он начался 15 сентября.

Охватить обучением всех приписанных к школе детей редко удавалось. В тот год таких не учившихся насчитывалось 50.

Крестьянские дети посещали школу нерегулярно, ведь лишние руки в семье всегда были нужны, это, конечно, сказывалось на качестве обучения, но писать и считать умел каждый. По уезду неграмотность детей школьного возраста составила, судя по отчетам, 4,2%.

Учащиеся могли пользоваться книгами и журналами осташковской библиотеки имени великой княгини Ольги Николаевны. На библиотеку в Осташково тратилось до 100 рублей в год.

Традиционными в России были жертвования на содержание школ, больниц, «убогих домов». Многочисленные дары получала осташковская школа от К. В. Мошнина и его семьи⁶.

⁶ За коммунизм, 4 сентября 1990 года

Годы перед бурей. Лихославль в 1912 году

Кажется, что нет ничего скучнее в истории всякого государства, чем сухой язык цифр, язык статистики. Но уходящее время изменяет все на своем пути, и молчащие цифры расскажут еще о многом.

Местные краеведы уже не раз обращались за информацией к «Протоколам и постановлениям Новоторжского уездного земского собрания за 1912 и 1913 гг.», которые были изданы в торжокской типографии Н. В. Будакова в 1914 году. Но часть довольно интересных фактов объемного, в семьсот страниц, тома так и осталась невостребованной на страницах, на которых видны следы подчеркиваний строк, рассказывающих о жизни нашего города. Заметно, что с карандашом в руке читал этот том уже не один человек в разные времена.

Чувствуется и тенденциозный характер этих отметок. Внимание его прежних читателей привлекали, прежде всего, отказы на различные прошения крестьян, учителей и прочие строки под грифом «отказать». То есть наиболее объективная картина жизни Лихославля в тот славный год начала века, когда Россия по основным показателям вышла в ведущие державы мира, так до сих пор и неизвестна лихославльцам. Единственная возможность исправить положение – это рассказать обо всем сообщавшемся в книге (и не только) без всяких пристрастий, что я и попытаюсь сделать.

Председателем уездного дворянства в те годы уже второй четырехлетний срок был Константин Владимирович Мошнин, лихославльский дворянин. Именно он, члены его семьи, прислуга да несколько крестьянских семей могли сказать о себе: «Мы – лихославльцы!» Потому как именно имение Мошнина (территория льнозавода) официально называлось Лихославлем.

Мошнин часто уезжал в Торжок, на заседания Думы, за хозяйку в имении оставалась Софья Николаевна, его супруга.

У Мошнина было двое детей, сын и дочь, в доме проживала и его престарелая мать. Барин пропадал в Торжке месяцами.

Хозяйства большого в имении не было. Мошнину принадлежали земли деревни Старо-Карельское по другую сторону железной дороги. Он развивал сельское хозяйство с использованием техники – жаток, металлических сеялок и плугов. Сельское хозяйство оставалось прибыльной и основной отраслью российской экономики. В 1912 году члены Думы в Торжке заслушали доклад А. И. Мартянова «О мероприятиях по культуре кормовых растений». Луговые опыты с минеральными удобрениями проводились недалеко от Калашникова в д. Селище Хвошня. В результате опытов экспериментаторы пришли к выводу, что наибольший доход дают делянки, удобренные калийной солью, «минеральные удобрения, таким образом, окупают себя, сверх того дают некоторую прибыль».

В 1912 году в Торжке с 13 по 15 мая проходила первая выставка животноводства, где были представлены более 130 экспонатов. Среди них вне конкурса выставлялись фазаны из имения К. В. Мошнина.

На конкурсе были также показаны «препараты» единственного в уезде «Метеорологического кабинета при ст. Лихославль». Выставочный комитет, которым руководил Мошнин, ознакомившись с трудами «Метеорологического кабинета», наградил его руководителя, Ивана Степановича Григорьева, двадцатью рублями и похвальным отзывом Новоторжского земства.

На заседаниях Думы рассматривались все вопросы, связанные с системой коммуникаций. Дороги с каждым годом становились лучше. Так, в 1912 году на станции Лихославль и в поселке Осташково были обустроены полотно и мостовая (булыжная) в самом поселке на 31 версту и на 37 верст по селу Кава, на что затрачено 2213 рублей. Тогда же экстренно ремонтировался мост через Каву. На жереховской дороге было завершено устройство полотна и гравийной засыпки между деревнями Челновка и Лисьи Горы, было также сменено деревян-

ное верхнее строение на мостике у деревни Челновка на одну версту. Следы той самой старинной мостовой кое-где еще сохранились в нашем городе, например, старая дорога до Лочкинской больницы, бывшего помещичьего имения, или заросшая лесом булыжная дорога от деревни Лисьи Горы до станции Шлюз.

Однако сессия отказалась от присоединения Лихославля к телефонной станции уезда, мотивировав отказ тем, что иметь телефон в одном Лихославле «бесцельно».

В 1911 году по решению губернского Земского Собрания в мае землемер Андреев составлял план Осташкова, на что было истрачено 800 рублей и сверх того непредвиденных расходов 161 рубль, из-за чего затянулась тяжба с ходатайством о возврате непредвиденной суммы.

Интересно, что в 1912 году из-за почти завершившегося слияния села Осташково и ст. Лихославль возникло множество проблем с выплатой их жителям государственных налогов, так как налоги с деревенских построек были значительно ниже налогов с построек станционных. Разгорелась дискуссия о том, где провести границу между станцией и селом. О переоценке своих домов просили Думу жители города М. П. Варфоломеев, И. П. Новиков, Я. И. Иванов и крестьянка Матрена Ефимова. Все прошения, кроме прошения Дмитрия Антонова, были отклонены.

Все это решалось в центральных органах, а в самом Лихославле существовало что-то вроде маленькой станционной «думы», члены которой избирались Новоторжской Думой. Этот орган назывался Раскладочным присутствием. Членами Осташковского присутствия на новый четырехлетний срок были избраны купцы Шалыгин, Галузин, Каравашкин, Платонов, а также мещанин Семенов и крестьянин Гордеев.

Присутствие занималось контролем над использованием сумм, выделенных на финансирование, например, двухклассную училища, земской школы, библиотеки имени Великой княгини Ольги Николаевны. Присутствием контролировались работа, открытие и прекращение деятельности торгово-промышленных заведений.

Жизнь шла своим чередом, не без печали. У купца А. Н. Юрасова сгорел «прес. сарай», такая же беда у крестьянина Семена Иванова, зато мещанка Любимова открыла новую лавку.

В округе Лихославля работали две больницы, Лочкинская и Жереховская – старейшая больница уезда. Всего число посещений Лочкинской больницы составляло до 27 тысяч человек в год. Жереховской – 21 тысячи. В 1912 году Жереховскую больницу покинула одна из старейших работниц Новоторжского земства, фельдшер Е. И. Козьминых, прослужившая в Жерехове более пятнадцати лет. Тогда же в Жерехово приглашался второй врач, потому как по числу обслуживаемых жителей больница занимала второе место в уезде после Торжокской.

Большая часть информации о народном образовании, помещенной в отчетах Думы, уже встречалась на страницах газеты «За коммунизм» и «Наша жизнь». Однако за ее страницами остался такой интересный факт: в 1912 году К. В. Мошнин на собственные деньги свозил учеников Осташковской школы на экскурсию в Москву. Это был своеобразный подарок школе перед расставанием – в 1913 году попечителем школы становилась его супруга Софья Николаевна Мошнина.

1911, 1912, 1913 – годы затишья перед большой бурей: Первой мировой войной, Октябрьским переворотом.

...В 1918 году Мошнины бежали после появления в городе эмисаров «новой власти» Первым ночью уехал сын, потом под утро родители с дочерью и немкой-гувернанткой. Старая мать Мошнина, которая могла передвигаться только в кресле, осталась здесь с экономной барина Анной Ефимовной. Некоторое время она и барыня жили в Старо-Карельском. Анна Ефимовна работала сиделкой в Лочкино, чем и кормилась вместе со старой барыней, которая долго не протянула, вскоре умерла. Ключи от имения и амбаров были оставлены Мошниным его экономке, у которой их отобрали на следующий день после побега барина.

Вскоре в имении появились новые хозяева. Около тридцати коммунаров начинали строить новую жизнь, заселили бывшее имение...⁷

⁷ Наша жизнь, 24 сентября 1991 года

Как Матренина семья «колхозу вредила». Из колхозной жизни начала 1930-х годов

В летнюю экспедицию в лихославльский музей попал ряд документов о ходе коллективизации на территории современного Лихославльского района. Они рассказывают о судьбе крестьянки Матрены Смирновой, жительницы д. Гаврилково, чье хозяйство по воле уполномоченного Толмачевского РИКа т. Соколова и представителя Назаровской партийной ячейки т. Родионова было определено как кулацкое, индивидуально обложенное. А так как налоги оплатить Матрена не могла, имущество ее изъяли.

Жители Гаврилково были о Матрене и ее хозяйстве совсем иного мнения. Несколько месяцев продолжалась тяжба с просьбой снять с нее индивидуальное обложение. Матрена скрыла от колхоза улы, за что и была исключена решением уполномоченного, с чем другие колхозники долгое время не соглашались. На собраниях актива колхоза имени 12 Октября они долгое время подтверждали членство Матрены в коллективной хозяйстве. Так, Козьмин Сергей Иванович говорил: *«...От нея мы никакого вреда не имели, хозяйство ее середняцкое, никогда ничем не занималась, дети находятся в рядах Красной Армии, что индивидуальное ее обложение неправильное»*. Требовал колхоз освободить *«гражданку Смирнову из-под стражи и снять с нея индивидуальное обложение путем расследования дела по существу взятой гражданки неправильно»*, просил *«освободить сегодня же и дело расследовать срочно»*, *«к сему подписуемся неграмотные»*.

Только к третьему обсуждению вопроса члены артели почему-то изменили свое мнение о Матрене Смирновой. 22 октября 1931 года о Матрене т. Виноградов говорил так: *«исключить Смирнову из колхоза как нарушителя устава, Смирнова со дня вступления в колхоз работает весьма плохо»*, вступила она в колхоз *«в целях скрыть свое прошлое происхождение»*, *«...во время теребления льна Смирнова встала на путь саботажа и агитации колхозников, а сама совершенно работать перестала, а дочь Смирновой в течение пяти дней телят колхозных не кормила, не поила, вследствие чего... телята к дальнейшему существованию стали не способны, засим исключить Смирнову из колхоза и взыскать с ней 200 рублей»*.

Изменение характера Матрены и ее дочерей вполне объяснимо, если обратиться к другому документу. Ходатайство сына Матрены в Московский областной исполнительный комитет (март 1932 г.). *«За неуплату налога в 1931 году в сумме 200 рублей председатель Назаровского сельсовета В. Я. Васильев, председатель колхоза М. П. Виноградов «самочинно изъяли имущество Смирновой М. и назначили торги»*. В списке изъятых вещей – 126 предметов, *«без описи забрали кадки разные (10 шт.), овес без веса, 70 штук яиц, масло без веса и корова без акта и семьдесят рублей без акта»*. В списке, например, были *«детское одеяло голуб. 3 рубля, занавесь белая – 2 рубля, простыня – 1 рубль, чулки домашние – 1 рубль, нитки домашние шерстяные, нитки простые домашние, пальто дам. стар., тулуп, юбки дам. стар. (4 шт.), стол простой, сковороды, утюг, вилок (6 шт.), тарелок (8 шт.)»* и так далее.

В год тринадцатилетия Октября получила свое имущество Матрена назад после возвращения сына, сумевшего от различных инстанций добиться отмены ранее принятого решения. Однако в списке возврата не оказалось 50 предметов: не получила она назад самовар, сундуки, постельники, другие вещи, к тому времени проданные назаровским сельпо...⁸

⁸ Наша жизнь, 9 января 1992 года

Первый советский базар в Лихославле

Начиналось все в 1932 году. 28 мая районная газета «На колхозной стройке» сообщала о том, что 29 мая в четырех точках – на базарной площади в Лихославле, в поселке льнокомбината, в Калашникове на стеклозаводе, совхозе имени Вильямса (Крючково) – организуются первые колхозные базары. Горсовету было предложено подготовить лотки и палатки.

Цены на продукцию формировались только по законам рынка. РИК строго предупреждал о необходимости пресечь «всякие извращения, выражающиеся в попытках установить местными органами определенные цены». *«Подобные извращения, – писалось в постановлении РИКа, – могут идти только со стороны классовых врагов и твердолобых бюрократов... Торговлю следует производить по ценам, складывающимся на рынке».*

29 мая 1932 года в Лихославле состоялся первый колхозный базар. Товары привезли 14 ближайших колхозов. Здесь были все необходимые продукты: мясо, масло, яйца, мука, картофель и т. д. Цены же уже в первый час торговли, как сообщает газета, снизились в среднем на 25 процентов. Например, на предыдущих единоличных базарах цена на мясо была 8 рублей за килограмм, а 29 мая – 5 рублей 50 копеек. Соответственно снизились цены на сливочное масло – с 8 до 6 рублей за фунт, на молоко – с 2 рублей 50 копеек до 1 рубля 50 копеек за четверть, на картофель – с 7 рублей до 5 рублей 50 копеек за килограмм.

Цены на базаре диктовали колхозы. Попытки единоличников удержать их на прежнем уровне не привели к успеху. Продукты колхозов были «хорошего качества, и рабочие охотно их покупали».

Вечером, после закрытия базара, состоялся митинг, посвященный первому советскому базару. *«Таким обилием продуктов сельскохозяйственного производства не обладал ни один из состоявшихся в Лихославле базаров»,* – заявили на митинге рабочие. Особо отмечались коллективы двух колхозов: имени Крыленко (Мотошелиха) и «Буря» (Чашково).

Однако не все было благополучно и на первом советском рынке. *«Скупичики и спекулянты развернули лихорадочную деятельность, не встречая никакого сопротивления со стороны административных органов».* Колхозы, привезшие товары в большом количестве, пытались продать их оптом.

5 июня 1932 года цены снизились только на 10—15 процентов, и товары привезли лишь 9 колхозов.

Главной задачей было, по сообщению «На колхозной стройке» от 6 июня, «культурное обслуживание советского базара». Но... на первом базаре работали два книгоноши ОГИЗа, книг у которых «никто не покупал». Особый же интерес вызвали бродячие балаганщики, циркачи.

Вот так прошел первый советский базар в Лихославле⁹.

⁹ Наша жизнь, 12 марта 1991 года

Пели в наших селах Лихославльская частушка

Лихославльская дороженька
Посыпана песком.
Мой милый шофером работает,
А я хожу пешком,

– эту и другие лихославльские частушки вы прочтете в сборнике «Тверские частушки», вышедшем в издательстве «Московский рабочий» в 1990 году. Сборник составлен на основе фольклорного архива Тверского университета. Составителями выступили доценты ТГУ Лидия Васильевна Брадис и Валентина Георгиевна Шомина, автором вступительной статьи и композиции – известный советский фольклорист Федор Михайлович Селиванов. В сборнике представлено 1750 частушек. Но это всего лишь малая часть собранного фольклорными экспедициями в течение нескольких десятилетий. 175 частушек сборника записаны в разные годы в Лихославльском районе, который оказался одним из самых «частушечных».

Частушка – миниатюрный жанр русского фольклора, свидетельствующий о разрушении его классических жанров, прежде всего необрядовой лирической песни, расцвет которой пришелся на XVI – XVIII века. Под влиянием литературных песен в последнюю треть первой половины XIX века появляются первые приметы частушечного жанра – небольшие, состоящие чаще всего из четырех строк, песенки. Судя по исследованиям В. И. Симакова (1879—1955), Тверской край – один из первых, где частушка получила широкое распространение.

Частушка – лирический жанр русского фольклора, передающий личные переживания человека. Через личное изображаются семейные (сватовство, замужество, женитьба) и общественные (богатство, бедность) отношения в деревне. Постараюсь рассказать о ее темах на примере лихославльских частушек.

Девушка покидает семью, парень приводит к себе в дом возлюбленную:

Дорогой братишка Саша,
Давай поразделимся.
Тебе соха да борона,
А мне чужая сторона;

Дайте паспорт, я уеду,
Милые родители.
Я не буду долю жить.
Мой миленок в Питере.

Конфликт девушки с родителями обыгрывается исполнителем частушки, которая является результатом импровизации. Каждый исполнитель стремится выразить в частушке свою «отдельность». В результате такого сочинительства, соединения разных частей в одну возникают новые частушки:

Меня мама била, ой.
Об лежанку головой.
Драла за кудриночку
За Ваню-ягодиночку;

Меня мама ошарашила
На печке сапогом.
Она била, говорила:
«Не гуляй со стариком!»

Из частушек XIX века многие рассказывают о жестокой судьбе русского крестьянства, это частушки о рекрутчине, о войне:

А во солдатушки – не к матушке,
Не к родному отцу:
Увидишь голоду и холоду,
Не скажешь никому;

Из приема вышел мальчик,
На коленочки упал,
Не умолила моя кровочка,
Во солдатушки попал.

После октябрьского переворота, с изменением общественного строя в частушку приходят новые мотивы. Они рассказывают о коллективизации, о богатой новой жизни, о Красной армии, об Отечественной войне, об антирелигиозной революции, начавшейся после майского постановления ЦИК 1932 года:

Меня бабушка ругает,
Что я богу не молюсь.
А я смеюсь и отвечаю:
«В комсомолки запишусь!»

Я иду, а мне навстречу
Новостанский поп идет,
Вместо «Господи, помилуй»
Он «Семеновну» поет.

Уже в шестидесятые годы нашего века сфера бытования частушек уменьшилась, прежде всего, из-за изменения общественного уклада жизни. Сегодня состав исполнителей частушек сильно постарел. Частушка – умирающий жанр русского фольклора.

В июле 1990 года я принимал участие в подготовке материалов еще одного сборника, составителями которого выступили те же авторы. Это сборник «Тверская поговорка». В начале лета этого года в разговоре с Лидией Васильевной Брадис узнал, что сборник подготовлен к печати и выйдет в конце лета. В нем представлены и лихославльские поговорки¹⁰.

¹⁰ Наша жизнь, 17 августа 1991 года

«Вся жизнь оставшаяся... в Вас», или Немного о чувствах

Любовные письма, как говорил Новалис, «первоисточник вселенского чувства». «Не храните их!» – часто просят влюбленные авторы друг друга. Но их так же больно уничтожать, как и расставаться с самим чувством.

В моих руках провинциальные письма о любви. Их адресат – Евдокия Григорьевна Кондратьева – личность незаурядная... О ней как-то уже писала «Наша жизнь». Она родилась в семье лихославльского станционного мастера. Судя по содержанию около 20 писем, Евдокия была своеобразным центром молодежного лихославльского «*бомонда*» начала века. В 1907—1908 годах в нее были страстно влюблены сразу три человека: сын местного купца Григорий Шалыгин, житель станции Лихославль Сергей Губанов и станционный солдат из Калашникова Павел Розенталь. Все они адресовали ей признания в любви...

Вот своеобразные выжимки из многих писем, находящихся в архиве Лихославльского музея.

«Милая! Славная! Дусик! Спасибо, спасибо несколько раз, что ты меня не забыла... Дусик! Зачем? Зачем ты желаешь мне счастливого успеха в любви? Любить в Лихославле кого-нибудь без тебя... Нет, некого, нет, нет... Но, а ты-ты любишь и любима, т. е. для меня занята навсегда...

Славная, дорогая Дусик! Я теряюсь в своих заключениях. Что могло значить на станции твое... «может забыться». Шутка это или нет, но я принял эти слова за правду. Прости меня, Дусик, если я ошибся, но почему твои подруги говорят, что я лишний, когда ты с Гришей Шалыгиным. Честное слово, я ничего не понимаю, голова идет кругом. Больше терпения не хватает, чтобы не слышать твой голос. Эти три дня, в которые было отсутствие голоса вашего, я чуть не угодил в «желтый дом». Позвольте мне побыть с вами хотя бы несколько минут. Я жажду разрешения... позвольте мне сегодня заехать за вами...

Прощай, славная, хорошая Дусик, прощай и не сердись на меня. Всего наилучшего, моя милая, славная, как мне скучно будет там без тебя... Мне довольно того, что я мог видеть тебя хотя бы одну минутку... Прости... Прощай, жизнь! Не могу...

Твой Сер. Губанов».

«Многоуважаемая Евдокия Григорьевна! Что же Вы не хотите ответа написать. По моему мнению, должно не так, если кто мне пишет, я стараюсь как бы поскорее ответ написать, а Вы стараетесь ревновать нашего брата... С тех пор, как Вы уехали из Калашникова, во мне находит какая-то скука, каждый день сильнее и сильнее аппетит видеть Вас. Поверьте, до того любил Вас, что и говорить не остается, не приходилось любить так никого... Но Вы меня видеть не хотите и даже рады, будете, если я уеду... Но горячая моя любовь к Вам во веки останется и не изменится ничуть. Так любить никого не придется, верно, что вся жизнь оставшаяся состоит в Вас. Душечка, душечка! Не знал я, что господин Шалыгин за Вами ухаживает... Так что прощайте навсегда! Гуляйте веселее, уезжаю в Спирово!..

Целую Ваши славненькие ручки!

Павел Христофорович Розенталь»¹¹.

¹¹ Наша жизнь, 27 июня 1992 года

Из Истории Вырецкого прихода

В городском филиале Тверского государственного объединенного музея есть иконы, церковные книги, храмовая утварь, фотографии местного священничества, а также рукопись «История Вырецкого прихода» (1909—1911 гг.). Думаю, «История...» вызовет интерес у читателей, доставив минуты познавательного чтения. Рукопись разделена мной на две части, сделаны некоторые несущественные сокращения.

Необходимо поблагодарить Е. Г. Мухину, директора филиала ТГОМ, предоставившую эту рукопись для печати.

Тверщина

Приход села Вырца составляют следующие селения: Вырец, Стречково, Погары, Доманиха, Костюшино, Дивовка, Лежнево, Дойбино. Весь Приход со всеми деревянными постройками, кроме того, называется одним именем Тверщина...

До 1861 года прихожане села Вырца все были крепостными помещиков... В первое время все прихожане, по преданию, были закрепощены некоему по национальности французу Диву... От Дивовых с течением времени стали отделяться части имения к помещикам других фамилий. Это происходило в тех случаях, когда кто-либо из женщин фамилии Дивовых выходил замуж, и ей выделяли часть имения.

При крепостном праве все прихожане, кроме земледелия, занимались производством угля. Этому благоприятствовало, во-первых, то обстоятельство, что в то время в Тверщине было обилие леса, и помещики заказывали рубить его, и, во-вторых, сбывать уголь было удобно, так как в недалеком расстоянии в селах Васильевском и Михайловском (близ Твери) все жители (мужчины и женщины) занимались зимою и летом ковкою разнообразных гвоздей, для чего требовалось очень много угля, который и доставляли исключительно прихожане села Вырца.

При производстве угля крестьянам, свободным от земледелия, большую часть времени приводилось проводить в лесу, даже и ночевать при ямах, в которых жегся уголь. Это обстоятельство послужило причиной того, что тверщинские жители отличались от крестьян соседних деревень грубостью и серостью. Сообразно своему ремеслу и одевались в кое-какие поволочные кафтаны, крытые белой холстиною. Люди, одетые в такую маркую одежду, покрытые угольною пылью, представляли из себя некрасивую фигуру, к тому же, лица и руки их тоже пачкались той же пылью. Пищушему сии строки (урожденному села Ивановского Овцыных, Тверского уезда) в детстве часто приходилось видеть картину, как тверщинские накануне воскресения или какого-либо торгового дня обозами тянулись с возами угля в Васильевское, и всегда пугали нас люди, сопровождающие возы, перепачканные углем и говорящие особенным выговором на «о».

После крепостного права тверщинским жителям пришлось бросать свое старое ремесло. К этому принудило их, во-первых, то, что помещики, наделив их землею, отрезали леса в свое владение, а во-вторых, производство гвоздей в селах Васильевском и Михайловском тоже стало падать, так как гвозди дешевле и лучше стали делать машины. От производства угля прихожанам села Вырца волею-неволею пришлось переходить к чему-либо другому.

Первый пример нового способа добычи подали крестьяне деревни Доманиха. Кто-то из них в свободное время вздумал торговать скипидаром. Скипидар до сих пор считает в простом народе полезным медицинским средством от многих болезней, почему торговля скипидаром оказалась очень прибыльной и заманила к этому других предприимчивых людей, так что впоследствии занялись торговлей все из доманихинских. Потянулись к этому прибыльному

делу и крестьяне других деревень прихода. С течением времени к скипидару торговцы стали прихватывать другие мелочные товары: иголки, пуговицы, замочки, картинки лубочного производства, дешевые книжки и др. И развозят все это... по деревням Новгородской, Псковской, Смоленской губерний и продают с выгодой для себя.

Торговля эта была выгодна особенно в первое время, когда было мало торгующих и когда покупатели не знали цены настоящей товару. Теперь же, когда размножилось число торгующих, цены на товар пали, но все-таки торговля настолько выгодна, что почти все прихожане, исключая старого и малого, при наступлении зимнего пути отправляются сначала в Москву для покупки товара, а затем на лошадях в уезд на торговлю. При каждом возе товара отправляются двое – хозяин и работник, товару покупается рублей на 100, 200 и 300. Люди, которые не имеют достаточных средств для покупки товара в Москве, промышляли и промышляют более мелкою торговлей.

С переменою угольного ремесла на торговое, прихожане, по-видимому, окультурились, вместо курных изб настроили чистые дома с резными украшениями, а поволочный кафтан заменили модными пиджаками, но, в сущности, благосостояние не улучшилось, а, скорее, ухудшилось. Прежде, при столь неприглядной обстановке своей жизни, они богаты были и скотом, и полными амбарами хлеба, и у редкого домохозяина не было закопано под полом кубышки с деньгами, а теперь, когда по наружности они выглядят купцами, пусто у них и на дворе, пусто и в амбаре, голодно и на столе. Кроме того, при торговле, стараясь продать свой товар как можно прибыльнее, торговцы не обходятся без обмана и при этом прибегали, несомненно, и к клятве.

Такое обстоятельство очень вредно отразилось на нравственности вырцовских прихожан. Желание к наживе иногда приводило их к преступным средствам для этого. Так, в половине прошедшего столетия (1862—65 годы) некоторое время между торговцами стала развиваться очень прибыльная торговля фальшивыми кредитками. Один из них каким-то образом нашел фабрику таких кредиток в местечке Гуслицах Московской губернии, передавал их своим товарищам, и те сбывали их, распространяя для торговли с мелочами. Но это продолжалось недолго и кончилось ссылкой на каторгу шести человек из крестьян деревни Доманиха.

Не так давно стало развиваться между приходами села Вырца малярное дело. Это незамысловатое ремесло оплачивается очень хорошо и заманивает очень многих. В самом деле, подросток, стоящий как работник при сельской работе рублей 30—40 в лето может как маляр заработать от 100 до 160 рублей. И это дело имеет обратную сторону: молодые люди, не окрепшие еще нравственно, в Питере или другом каком-либо городе, куда они уезжают для заработка, попадая в среду, предаются пьянству и разврату. Много они, может быть, добывают, но немного из добычи попадает в дом. Кроме этого, эти люди уже с небрежением смотрят на земледельческие труды¹².

¹² Наша жизнь, 12 мая 1992 года

Жил-был француз

Еще немного о лихославльских топонимах

Топонимика – одна из самых притягательных краеведческих тем. Удивительно интересно бывает шаг за шагом докапываться до исконного значения того или иного топонима. Поразительно, что возможность движения вглубь имени почти неограниченная, ваш успех зависит менее от запаса знаний и более от терпения.

Сегодня на просторах Тверской области нет уже многих сел и деревень, а вместе с ними исчезли и забыты их имена. Конечно, многие из них хранят ревизские сказки в переписи, но процесс расшифровки топонима усложнен, потому что не осталось людей, помнивших увлекательные легенды, рассказывающие о происхождении имен родных деревень и городов.

Чисто лингвистический подход к проблеме топонимики часто оборачивается досадными ошибками. Однажды я привел пример подобной ошибки в словаре проф. Никонова, толковавшего топоним Лихославль, как производное от русского имени Лихослав, принадлежавшего какому-то князю...

А сейчас – еще о двух интереснейших топонимах. Первый уникален тем, что это очень редкое наименование прихода, не совпадающее с названием храмового села.

Приход деревень (XVII в.) русского села Вырец, в который входили деревни Стречково, Погары, Доманиха, Дивовка, Лежнево, Дойбино, ранее называли именем Тверщина или Тверчина. Толкование этого названия, до недавнего времени необъяснимого, обнаружено мною в церковной летописи прихода, написанной с благословения архиепископа Антония в 1909 году, в чем он собственноручно подписался.

Совершенно ясно, что название Тверщина каким-то образом связано с топонимом Тверь и гидронимом Твериа. Но оставалось непонятно, почему территория, довольно отдаленная от Твери (около 30-ти верст) и Тверцы, названа таким именем? Летопись объясняет это так: «место, где расположены деревни села Вырца, населены выходцами Новгородского княжества, и так как это место примыкало к границе Тверского княжества, то оно и названо новгородцами Тверщиною. Летописец, на мой взгляд, прав... Можно предположить, что при покорении Новгорода московскими князьями жители новгородской земли, выселенные с мест исконного проживания и преследуемые занявшими их земли московитянами, избрали это место как очень удобное для временного укрытия. Места Тверщины и до сего дня богаты старыми дремучими лесами, здесь расположено одно из крупнейших болот Лихославльского района. По замечанию летописца, жители Тверщины отличались особенностями произношения: в их речи резко выделялся звук «о». Они считали себя народом «отличным от прочих русских» и часто говорили: «Там на Руси...», но «...у нас в Тверщине».

Большинство деревень Тверщины принадлежали семье помещиков Дивовых: Костюшино – Николаю Алексеевичу Дивову, Доманиха и Дивовка – Борису Алексеевичу Дивову, Дойбино – Николаю Ивановичу Ермолинскому (мужу Елены Дивовой) и лишь Погары – Шнейдерсу.

Увлекательна история происхождения топонима Дивовка и антропонима Дивов. По преданию, крестьяне этих деревень были закрепощены за каким-то французом Диву, От него-то и пошел род Дивовых, и деревня русских крестьян стада называться Дивовкой...¹³

¹³ Наша жизнь, 3 марта 1992 года

Предводитель дворянства – Константин Мошнин

Рощу на горе у Лихославльского озера возле развалин старого усадебного дома в XX веке часто называли Мошнинской. Последним владельцем имения, расположенного здесь, был в 1917 году влиятельный дворянин государственный советник Константин Владимирович Мошнин.

12 лет подряд с 1900 года он избирался Предводителем дворянства Новоторжского уезда, среди соперников были представители известнейших дворянских семей губернии, например, Бакунины.

Мошнину принадлежало имение Лихославль, которое он приобрел в первые годы XX века у потомков участника войны 1812-го года капитана Сулина. Сулин в начале 10-х годов XIX века первый облюбовал высокую гору для постройки имения. Усилиями Мошнина под горой появилось искусственное озеро, водой из которого снабжалась узловая станция Осташково Николаевской железной дороги. Озеро это, хотя и значительно заросшее, существует и сегодня.

Само имение можно увидеть на почтовой карточке (Лихославль №5) начала века. Это одноэтажный деревянный дом с флигелем и оранжереей. В округе имения располагалось несколько рощ – дубовая, сосновая, пихтовая. До сегодняшнего дня сохранилась величественная липовая аллея, ряды вековых берез по периметру существовавшей когда-то ограды. У озера были устроены беседки, лодочная пристань и купальня.

Семья Мошнина была небольшой: двое детей – сын, дочь, с ними жила также его престарелая мать. Интересно, что история близких отношений между дочерью Мошнина и писателем Михаилом Козыревым описана последним в книге «Девушка из усадьбы».

Мошнину принадлежали окружающие имение земли соседних сел, в их сельскохозяйственной обработке широко использовалась заграничная техника.

Должность предводителя дворянства предполагала частые отъезды в Торжок на заседания Новоторжского уездного земского собрания. В имении оставалась хозяйка, супруга Мошнина Софья Николаевна. И она, и ее супруг активно занимались благотворительной деятельностью. В частности, Мошнин был попечителем нескольких земских школ и Жериховской, старейшей в Новоторжском уезде, земской больницы.

С 1913 года попечительницей лихославльской земской школы стала Софья Мошнина. На ее средства были закуплены книги, выписывались журналы для местной библиотеки имени Великой княгини Ольги Николаевны.

В 1912 году, когда земство организовало для оканчивающих двухклассные училища детей поездку на экскурсию в Москву, К. В. Мошнин отдельно оплатил визит в столицу учеников Лихославльского двухклассного училища.

Благодаря стараниям Мошнина, в Лихославле существовал единственный в уезде метеорологический станционный кабинет.

Мошнин способствовал выделению земских средств для обустройства станционных улиц, которые были выложены булыжником на 71 версту.

Сам Мошнин увлекался разведением фазанов, которые были отмечены похвальным отзывом первой уездной животноводческой выставки, проходившей в Торжке в середине мая 1912 года.

В 1918 году Мошнины спешно бежали из Лихославля. Мать Мошнина, которая могла передвигаться только в кресле, осталась здесь с экономкой Анной Ефимовной. Некоторое время она и барыня жили в соседней с имением деревне Старо-Карельское. Ключи от имения, оставленные экономке, отобрали на следующий день после побега барина.

Ничего о последующей судьбе семьи Мошниных неизвестно.

Вскоре в имении появились новые хозяева. Около тридцати оборванцев-коммунаров начинали строить новую жизнь...

Сейчас полуразрушенное здание растаскивается на соседние дачные постройки, хотя в середине 80-х годов оно еще существовало почти в первозданном виде¹⁴.

¹⁴ Тверская Жизнь, 19 июля 1993 года

Из истории Осташковской Успения божией Матери церкви

Первым священником Осташковской Успения божией Матери церкви был Григорий Петрович Смирнов. В 1861 году он окончил богословский курс Тверской Духовной семинарии и получил аттестат первого разряда с произведением в священники. В 1875 году 30 апреля, как записано в «церковной книге» храма, он был послан законоучителем земской народной школы в деревню Осташково (часть будущего Лихославля) Новоторжского уезда и занимал эту должность до назначения его священником в Осташковскую церковь в 1887 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.